

ПИСАТЕЛЬ Виктор Пелевин настолько долго и умело мистифицировал публику, что среди его юных поклонников даже бытовало мнение, что реального Пелевина не существует, а романы под этим именем пишет или команда авторов, или вообще компьютер. Известный московский журналист Алексей Беляков даже начал свой короткий очерк о писателе в журнале «Огонек» со следующего заявления: «Прежде всего надо условиться: Виктор Олегович Пелевин — вполне реальное существо, проживающее в Чертаново. Так что те, кому больно расставаться с образом виртуального автора «чумовых» романов, могут сразу переходить к чтению последнего из них». Биографические сведения, которые можно найти в интернете на сайте, посвященном творчеству Пелевина, — по большей части блеф, мистификация. В официальных, написанных рукой самого Пелевина автобиографиях указывается порой совсем иное. Вот, например, краткая автобиография, приложенная к заявлению о приеме в члены Союза журналистов России. По правилам тех лет Пелевин собирался вступить в Союз через первичную организацию — а именно, через «первичку» журнала «Наука и религия», где до сих пор и хранятся его документы.

«Я, Пелевин Виктор Олегович, родился 22 ноября 1962 года в г. Москве. В 1979 году окончил среднюю школу № 31. В 1979 году поступил в МЭИ, который окончил в 1985 году. В 1987 году поступил в очную аспирантуру МЭИ, где учился до 1989 года. В 1989 году поступил в Лит. институт им. Горького. С 1989 года работал штатным корреспондентом журнала «Face to Face» в течение года. С того же времени сотрудничал с различными газетами и журналами, выходящими в г. Москве. 1 декабря 1993 г.»

По словам ответственного секретаря журнала «Наука и религия» Ольги Брушлинской, Пелевин хотел вступить в Союз журналистов в надежде попасть в строительный кооператив СЖ и «решить квартирный вопрос».

Средняя английская спецшкола № 31 находилась в самом центре Москвы, на улице Станиславского. Рядом с Пушкинской площадью, за новым зданием МХАТа на Никитском бульваре. Теперь в этом здании очень престижный лицей, а улице возвратили дореволюционное название — Леонтьевский переулок.

Школа была элитарная. В нее ходили дети и внуки знаменитостей и больших начальников, проживавших в самом центре Москвы. На класс или два старше или младше Пелевина учились дети знаменитых актеров: Антон Табаков, Миша Ефремов, Саша Басов, дочь цыганского певца Николая Сляченко, сын главного художника Большого театра Саша Мессерер, внук Хрущева Никита, внучатый племянник Сталина Сережа Аллилуев, сыновья заместителя министра внутренних дел СССР Василия Трушина. На два класса старше училась Таня Поляченко, прославившаяся сейчас не меньше автора «Generation П» детективами под псевдонимом Полина Дашкова.

Будущий журналист и предприниматель Алексей Трушин часто после школы гулял с Пелевиным по бульварам.

«Он очень трогательный был, — вспоминает Трушин. — На тонкой шее была маленькая круглая голова, и он с детства ходил, как сейчас модно, коротко стриженный. В каких-то шапочках дурацких, и куртка «Аляска», тогда модная. В разговорах во время прогулок он придумывал истории. Если сказать, что это нагромождения вранья, то это неточно, скорее — нагромождения фантазии. Такая ахинея, но она соединялась с реальной жизнью, с точкой зрения на преподавателей, на школу.»

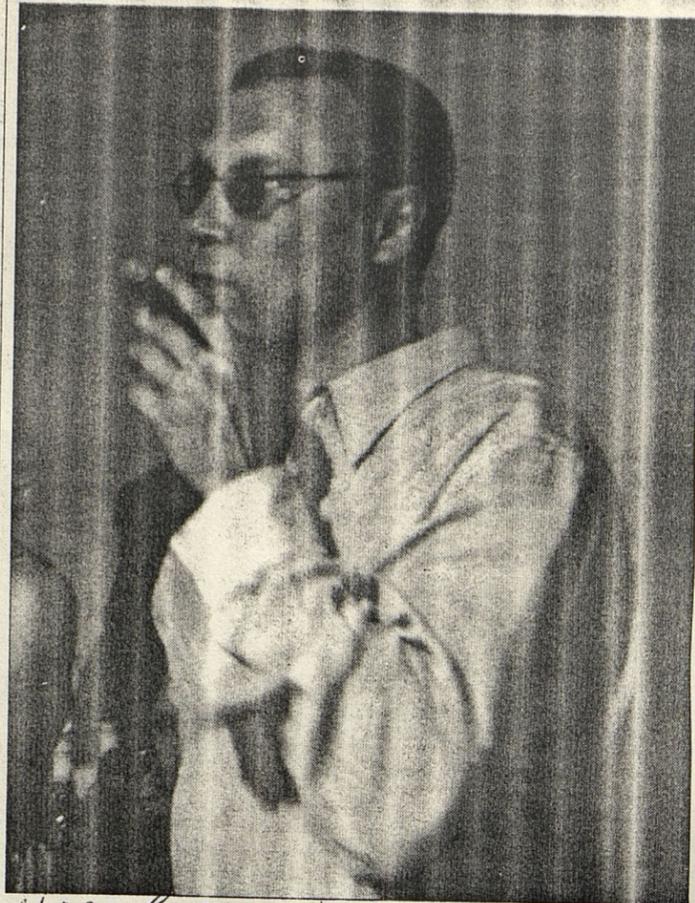
По словам художника Александра Мессерера, мама будущего писателя, Зинаида Ефремовна Семенова, преподавала в этой школе

английский. Пелевин знает его в совершенстве. Отец, Олег Анатольевич, был преподавателем на военной кафедре МВТУ имени Баумана.

Летом 1979 г. Пелевин поступил в Московский энергетический институт на факультет электрооборудования и автоматизации промышленности и транспорта. Окончив его с отличием, он был 3 апреля 1985 г. «принят на должность инженера кафедры электрического транспорта», а через два года сдал экзамены в аспирантуру. Но диссертацию так и не защитил, поскольку решил сменить род занятий.

В середине августа 1988 г. Виктор Пелевин подал заявление о приеме в Литературный институт имени Горького, на заочное отделение. Через пять лет, в декабре 93-го, в беседе с филологом Салли Лэрд, которая приехала в Москву писать книгу о современной русской литературе для издательства Оксфордского университета, Пелевин скажет, что учеба в этом институте ему ничего не дала. «Все студенты института хотели только наладить связи. Сейчас эти связи мне не нужны, и даже как-то странно об этом вспоминать. Связи — это было целью».

Во вступительном сочинении Пелевина «Тема родины в поэзии С.Есенина и А.Блока», на первый взгляд довольно обычном для двадцатилетнего молодого человека, серьезно интересующегося литературой, есть несколько забавных моментов, поэтому стоит привести выдержки из него.

Независимая Газета — Виктор Пелевин.
2001. — 29. авг. — С. 8.

НАСТОЯЩИЙ ПЕЛЕВИН

Отрывки из биографии культового писателя

«Первая книга стихов Есенина «Радуница» появилась в 1916 году, когда Блок уже был широко известным поэтом. Примерно в это же время состоялась встреча Есенина и Блока, о которой Блок оставил подробную запись в дневнике. Ему запомнилась история о налимах, которую рассказывал Есенин. Налимы, видя просвечивающую сквозь лед луну, присасываются ко льду, чтобы прососать его насквозь и «выплеснуться до луны». Это показалось Блоку аллегорией творческого метода Есенина. Он записал в дневнике: «Образы творчества: схватить, прокусить».

Говоря о стихах Блока, Есенин отмечал в них «голландский романтизм». Он имел в виду рассказ Блока о поединке двух борцов. Первый из них был «отвратительный русский тяжеловес», а второй — голландец, чья мускульная система была «совершенным механизмом».

Казалось бы, что общего может быть у этих двух поэтов?

Достаточно сравнить стихотворение Блока «Русь» с «Русью» Есенина, и общность станет очевидной. «Русь» Блока написана в 1906 году, а «Русь» Есенина — в 1914-м, уже во время войны. Но как похожа образная система этих стихотворений!

*Русь, описана реками
и дельтами окружена,
с болами и журавлями,
и с мутным взором колдуна...*

Это пишет Блок. А у Есенина читаем: «Залучала нас сила нечестая... Что ни прорубь — везде колдуны».

Но есть и различие. Блок ограничивается тем, что дает картину Руси, изображая волшебный, дремучий мир. А Есенин в своем стихотворении говорит о тяготах народной жизни, вспоминает мужиков, которые оказались на фронтах далекой войны. В последней главе есенинской «Руси» происходит отождествление лирического героя стихотворения со своим народом, своей страной.

...Сергей Есенин и Александр Блок — два великих лирика начала века. Оба они принимали активное участие в литературной борьбе своего времени, примыкали к различным направлениям в искус-

стве. Тогда эта разница могла показаться существенной, но сегодня мы видим, насколько Блок и Есенин возвышаются над любыми литературными течениями. Мы вспоминаем не символиста Блока и имажиниста Есенина, а символизм и имажинизм как этапы пути этих поэтов. Время сблизило Блока и Есенина, и стало заметным то общее, что было в их творчестве. А самой важной общей чертой у них была любовь к своей стране».

Если отбросить необходимую для вступительных сочинений всех времен патристическую риторичку, то отчетливо видны акценты, расставленные абуристом: мистика, колдуны.

Первая публикация Виктора Пелевина в прессе тоже связана именно с этими темами. В декабрьском номере журнала «Наука и религия» за 1989 г. увидел свет его рассказ «Колдун Игнат и люди». А в следующем номере была опубликована его статья «Гадание на рунах».

Литературный институт имени Горького был среди самых элитарных учебных заведений страны. Поступали туда дети советских писателей, критиков, литературных редакторов и крупных издательских работников. Так что связи там действительно можно было завести очень серьезные.

Виктор Пелевин попал в семинар прозы, которым руководил известный литературный критик довольно ортодоксальных взглядов Михаил Петрович Лобанов, автор книг о Леониде Леонове и Александре Островском. Сейчас о своем студенте Лобанов не может вспомнить ничего, кроме того, что тот поступил, представив на конкурс «симпатичный фантастический рассказ». В марте 1990 г. Михаил Лобанов написал в характеристике студента второго курса заочного отделения: «В рассказе Виктора Пелевина — достоверность житейских наблюдений, иногда утрированных. В последнем рассказе — попытка «сюрреалистического» повествования (о том, как наступает смерть). Еще пока — авторские поиски, идущие скорее от отвлеченного «философствования», нежели от подлинности внутреннего, духовного опыта».

В том же семинаре Лобанов учился и молодой прозаик Альберт Егзаров. Пелевин подружился с ним. Егзаров тоже окончил технический вуз — Московский институт электронной техники, но интересовался больше мистикой, оккультизмом и тайными учениями. Он занимался бизнесом, торговал, и довольно успешно, редкими тогда в Москве компьютерами. Вскоре некоторые моменты из биографии Егзарова Пелевин ненавязчиво «вылетел» в миф биографии собственной. Когда в журнале «Знамя» готовилась публикация его повести «Омон Ра», редактор отдела прозы Виктория Шохина спросила писателя, что указать в биографической справочке, сопровождающей публикацию. «Напиши — спекулировал компьютерами. Компьютерный спекулянт», — ответил Пелевин и заржал, — вспоминает Виктория Шохина.

На полученные от продажи компьютеров деньги Альберт Егзаров решил организовать книжное издательство. Незадолго до этого в кафе Литинститута, где студенты обычно выпивали до и после, а иногда и вместо занятий, он познакомился с поэтом Виктором Куллэ. Известный сейчас литературовед и литературный критик Виктор Куллэ учился в дневном отделении. Время было перестроечное, и секретарем комитета комсомола Литинститута студенты выбрали именно Куллэ, который на собрании, по его словам, «просто больше всех резвился».

Ректором Литинститута тогда был известный литературный критик с либеральными, так называемыми шестидесятическими взглядами Евгений Сидоров, будущий министр культуры России при Борисе Ельцине. Куллэ вызвался поговорить с ректором о помещении для издательства. Договорились, что оно раз в год будет выпускать сборник поэзии и прозы студентов Литинститута. И за это ему предоставят помещение. Вскоре новое издательство «День» (позже переименованное в «Миф», так как под названием «День» начала выходить известная газета Александра Проханова) расположилось в комнатах быв-

шего комитета комсомола. Холмом и редактором был Альберт Егзаров, на свои деньги он купил два компьютера. Двумя его заместителями, по прозе и поэзии, стали Виктор Пелевин и Виктор Куллэ. Пелевин готовил к изданию трехтомник Карлоса Кастанеды. За основу он взял известный по «самиздату» перевод Максимова, но исходный текст практически переписал. По словам знатоков, перевод Максимова очень точный, но «нечитабельный» и действительно — очень выиграл после пелевинской редакции.

«Между тем Витя с Аликом вскоре совсем ушли в мистическое направление, — вспоминает один из художников издательства Юрий Глаголев. — Они вместе писали книгу «Красная магия». Советское общество они представляли как единственное оставшееся на земле ритуальное общество. Это должно было быть очень серьезно. Алик меня просил фотографов послать, чтобы снимать метро, ВДНХ, символы и прочее. Пелевин занимался знаковой частью, Алик — идеологической».

В работе над «Красной магией» принимал участие и Виктор Куллэ. В целом проект не осуществился, но по ходу дела «Миф» издал сокращенный перевод культовой среди московских мистиков книги Жака Бержье и Луи Повеля «Утро магов» — о связи нацистов с магическими и оккультными учениями.

Что же касается не творческой, а бытовой части издательской жизни, то и она была довольно эк-

зотической. В литературном мире ходят легенды о том, что Пелевин прекрасный каратист.

«Он очень любил на дверях аудиторий упражняться. Беспорядочно бил ногами по дверям в пристройке Литинститута, где мы тогда находились. Причем старался по-ваше ударить. По дороге из комнаты издательства к бортиру, там, где сейчас Платоновская аудитория находится, на всех дверях был отпечаток пелевинского ботинка. Ему действительно было это зачем-то нужно», — рассказывает Виктор Куллэ.

Пелевин с Егзаровым вскоре очень серьезно поссорились. Издательство «Миф» существует и по сей день. Альберт Егзаров выпускает теперь солидные тома на свою излюбленную тему: «Энциклопедия символов, знаков, эмблем». «Энциклопедия Третьего Рейха», двухтомник Алистера Кроули «Магия в теории и на практике». Для некоторых своих изданий он использует иллюстрации, подготовленные к так и не осуществленному проекту «Красная магия».

Один из бытующих мифов о писателе — «Пелевин контролирует сеть коммерческих ларьков» — большинство литературоведов справедливо считали совершенно «бредовым». Однако у него есть корни в реальности. Жена Виктора Куллэ Ольга, работавшая юристом, в 1991 г. завела коммерческую палатку на площади Индиры Ганди. Дело пошло, и вскоре палатка стало две. Продавцов в них хотелось нанять таких, чтобы не обманывали. Виктор Куллэ устроил на эту работу своих друзей по Литинституту. В палатках торговали литераторы Юлий Гуголев, Дмитрий Сучков и Виктор Обухов. Как рассказывает Куллэ, Виктор Пелевин довольно часто заезжал туда «просто попить и выпить вина и водки». Через некоторое время поэта Юлия Гуголева Пелевин встретил в имиджмейкерском агентстве Глеба Павловского «Фонд эффективной политики». Поэтому не исключено, что именно Гуголев стал прообразом Владилена Татарского в романе «Generation П».

(Окончание в следующем номере)